

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

КО ОБСУЖДЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»

По просьбе редколлегии II тома «Всемирной истории», с целью широкого обсуждения представляемого материала, редакция ВДИ публикует три главы из этого тома.

Редакция ВДИ приглашает всех читателей принять участие в обсуждении публикуемых глав и просит направлять свои отзывы и замечания в адрес редколлегии II тома «Всемирной истории».

*

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ, т. II

Часть III, гл. II, § 6

ПЛЕМЕНА СРЕДНЕЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

(Автор Т. В. Блаватская)

Жизнь многочисленных племен, обитавших в I тысячелетии до н. э. к северо-западу и северу от фракийцев, скифов и сарматов, т. е. на территории современной Средней и Восточной Европы, известна очень плохо. Из ранних греческих авторов только Геродот упоминает о населении этих стран. Перечисляемые им племена — невры, меланхлены, андрофаги, будины, тиссагеты, иирки, аргиппей, исседони и аримаспы — могут быть лишь приблизительно локализованы на обширных пространствах от бассейна Вислы до Западной Сибири.

Многие из рассказов Геродота правдиво отражают подлинные черты жизни этих племен. Так, например, Геродот справедливо указывает на охоту как на важнейшее занятие обитателей лесной полосы Европы. Достоверен рассказ о Северном Море (так называли древние Балтийское море), на берегах которого добывался янтарь. Вполне достоверны также некоторые из приведенных Геродотом сведений географического характера, относящиеся к странам далекого Севера. Наряду с этим в повествовании Геродота о населении отдаленных стран имеются и явные небылицы. К их числу, например, относится рассказ об аримаспах «одноглазых», живших где-то, вероятно, в Западной Сибири, якобы отнимавших золото у грифов. Нередко Геродот и сам отказывается верить подобным рассказам.

Со времен Геродота вплоть до I в. до н. э. в античной историографии не появлялось развернутого описания стран Европы к северу от Дуная (древнего Истра). Отдельные сведения о рассматриваемой территории встречаются у Аристотеля, Гиппократа и других авторов. Даже Цезарь, воевавший в Галлии, только глухо упоминает о Геркинском лесе, покрывавшем всю среднюю часть Европы. Более определен-

ленные сведения сообщают древние писатели, начиная лишь с I в. н. э. Плиний в «Естественной истории» упоминает о славянах под именем венедов, заселявших области к юго-востоку от Вислы. Тацит называет не только венедов, но и финнов и эстевов, причем совершенно точно описывает их расположение. Птолемей в своем труде «География» также называет венедов в числе обитателей Сарматии. К сожалению, перечисленные авторы, за исключением Тацита, ограничиваются лишь кратким указанием на факт существования данных племен и ничего не рассказывают об их образе жизни.

При такой скучности письменных сведений важное значение приобретают археологические источники, которые позволяют составить хотя бы общее представление о крупнейших племенных группах Средней и Восточной Европы. Различия между племенами, оказавшимися в керамике, жилищах, погребальном обряде и т. д., дают возможность выделить группы этнически родственных племен. Следует указать, что археологические памятники, позволяющие сравнительно полно нарисовать картину производительных сил и уяснить некоторые особенности социального строя, сообщают очень немного по политической истории интересующих нас племен.

Племена Средней и Северо-Восточной Европы находились в совершенно иных природных условиях, чем скифы и сарматы или тем более греки. Суровый климат, дремучие леса, непроходимые болота сильно затрудняли жизнь обитавшему там человеку. «Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества — она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является определяющим влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды». («История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, 1952, стр. 113). Природные условия оказали свое влияние, разумеется, не определяющее, и на историю племен Средней и Северо-Восточной Европы. Это сказалось на медленном темпе развития производительных сил у этих племен, на возникновении ряда своеобразных черт, отличающих историю этих племен от истории населения средиземноморских стран и других соседей.

Состояние производства рассматриваемых племен в начале I тысячелетия до н. э. было неоднородно: одни племена уже начали пользоваться железными орудиями, наряду с бронзовыми, другие из металлов знали одну бронзу, третьи применяли только каменные (неолитические) и костяные орудия. Появление железа, сыгравшего революционную роль в истории человечества, подняло производительность труда, что, в свою очередь, создало возможности для имущественного расслоения.

Способ добывания средств к жизни у племен, живших близко друг к другу, сравнительно мало различался. В то же время наблюдаются явственные различия между крайними группами изучаемых племен. Племена Средней Европы в основном занимались подсечным земледелием, повидимому, приносившим большие урожаи. В северо-восточной части Европы главными занятиями населения были скотоводство и охота, мотыжное земледелие играло второстепенную роль. Еще дальше, на севере Европы, жили охотниче-рыболовческие племена, сравнительно мало развившие земледелие даже к концу I тысячелетия до н. э. Существенные различия наблюдаются и в развитии производств: металлургии, ткачества, гончарного дела, обработки кости и дерева и др. Развитие в рассматриваемое время обработки металлов — добычи руды, выплавки железа, кузнечного дела и бронзового литья, — заложило основу для последующего общего отделения ремесла от земледелия и скотоводства у многих племен Европы.

Весь обширный племенной мир Европы к началу I тысячелетия до н. э. находился на стадии первобытно-общинного строя. Исследования поселений того времени показывают, что у большинства племен родовые поселки еще не огораживались. Только в последующие столетия, с накоплением имущества отдельными родовыми общинами, появились городища, располагавшиеся на труднодоступных местах, укрепленные тыном, иногда стенами, чаще же всего валами и рвами. Жившие в таких поселках родовые общинны состояли из отдельных семей, обитавших или в изолированных секциях больших домов или даже в отдельных жилищах.

В I тысячелетии до н. э. средства производства оставались родовой собственностью, и поэтому у большинства племен выделение семьи в качестве обособленной экономической единицы еще не произошло. Исключение составляет население тех областей, которые граничили с более развитыми в экономическом и социальном отношении племенами, в среде этого населения можно отметить ясные признаки разложения первобытно-общинных отношений.

Население Средней и Северо-Восточной Европы делилось на племена, состоявшие из патриархальных родов. Судя по размерам и густоте расположения поселков, роды были небольшими, а количество их в каждом племени довольно значительным. Выделение аристократии наблюдается только у некоторых из рассматриваемых племен (например, у племен Прикамья и Чехии).

Более детально очертить схему общественных отношений в I тысячелетии до н. э. пока не удается.

Этническая карта Средней и Северо-Восточной Европы в I тысячелетии до н. э. может быть обрисована лишь в общих чертах. Многочисленные черты преемственности в культуре племен, населявших эти территории в I тысячелетии до н. э. и в I тысячелетии н. э., позволили археологам и лингвистам высказать некоторые соображения об этнической характеристики древнего населения. Предполагают, что в Средней Европе, на территории от бассейна Одера и Вислы до правобережья Среднего Днепра, располагались древнеславянские племена, предки современных славянских народов (часто их называютproto-славянами). Многочисленные финно-угорские племена, являющиеся предками обширного финно-угорского населения нашей страны, занимали в I тысячелетии до н. э. почти ту же территорию, что и сейчас: земли от Балтийского моря на западе, до Уральского хребта на востоке и до берегов Северного Ледовитого океана на севере. Определение языковой принадлежности этих племен весьма затруднено, так как все они не оставили никаких памятников письменности. Все же на основе данных археологии и сравнительного языкознания можно с определенностью утверждать о принадлежности некоторых из рассматриваемых племен к различным языковым общностям (индоевропейской и финно-угорской). Так, по всей видимости, к финно-угорской группе относятся археологически изученные эсты Тацита и, вероятно, тиссагеты Геродота. Таким образом, можно лишь приблизительно наметить те племена, которые были предками народов, населяющих сейчас европейскую часть нашей Родины, а также народов значительной части Средней Европы.

Племена Средней Европы. К северо-западу от скифов простирались обширные территории, густо заселенные еще во II тысячелетии до н. э. Античные авторы вплоть до середины I в. до н. э. ничего не знали о населении этих покрытых лесом земель. Например, Геродот, имевший некоторое представление о более далеких странах кельтов пишет, что никто не может сказать ничего достоверного о стране, находящейся к северу от Фракии (т. е. к северу от Дуная). Он даже склонен считать эти земли беспредельными и пустынными, что не мешает ему, однако, рассказать об одном из живших там племен. Состояние знаний Геродота заставляет полагать, что греческий мир, не сталкивавшийся непосредственно с обитателями Средней Европы, долгое время не знал их совершенно. Только в I—II вв. н. э. огромные массы этих племен вступили во взаимодействие с античным миром и привлекли внимание греческих и римских историков.

Поэтому единственным источником для истории племен Средней Европы I тысячелетия до н. э. являются археологические данные, изучение которых позволяет выделить только главные группы населения Средней Европы того времени.

Сходство археологических остатков указывает на некоторую общность многочисленной группы племен, обитавших на обширных пространствах Средней Европы; в то же время эта группа значительно отличалась от соседних кельтов, германцев, фракийцев и скифов. Начиная от берегов Балтийского моря на западе и захватывая весь бассейн Вислы, а также верховья Одера, эти племена на северо-востоке населяли верховья Березины, Днепра и часть верховьев Оки; на юге границей этой группы

племен были горные хребты Татр и Карпат, а на юго-востоке, в Приднепровье, они доходили до начала степной полосы.

История племен, живших на указанной территории, представляет особый интерес, поскольку эти племена, повидимому, принадлежали к древнеславянской этнической группе. Проблема этногенеза славян, еще очень мало разработанная, впервые была поставлена такими крупными слизяноведами прошлого столетия, как П. Шафарик и Л. Г. Нидерле. Но большинство буржуазных археологов, формалистически изучая материал, ограничивались определением локальных археологических культур и не обращали внимания на общие процессы развития изучаемого населения. В советской исторической науке, руководствуясь марксистским учением о развитии общества, проблема этногенеза славян впервые заняла подобающее ей место и стала рассматриваться с правильных теоретических позиций. Однако разработка ее долгое время мешали антимарксистские лингвистические «теории» Н. Я. Марра. Только в последние годы советские ученые совместно с учеными стран народной демократии (Польши, Чехословакии и Венгрии), используя выводы марксистского языкоznания, смогли выдвинуть ряд положений, освещающих историю древнеславянских племен в I тысячелетии до н. э.

Советские славяноведы, в частности П. Н. Третьяков, полагают, что отделение племен, говоривших на общем древнеславянском языке, от других индоевропейских племен произошло примерно на рубеже III—II тысячелетий до н. э. Рост и распространение древних славян, занимавших первоначально территорию между верховьями Вислы и Средним Днепром, привели к тому, что в I тысячелетии до н. э. древнеславянские племена состояли из нескольких групп. П. Н. Третьяков намечает следующие:

I. Племена, обитавшие между верховьями Вислы и Средним Поднепровьем, т. е. в областях распространения археологических культур: чехо-моравских (Бытанская, Платеницкая,) надднестровских (Тарнобжская и Высоцкая) и волынь-подольских.

II. Племена, обитавшие на Висле и Одре (занимавшие область распространения Лужицкой и позднее Пшеворской археологических культур).

III. Племена, обитавшие в верхнем течении Днепра, по Припяти и Десне и заходившие в верховья Оки (область распространения Подгоровской, Юхновской и Верхнеднепровской археологических культур).

Изучение остатков производства и быта этих племен позволило археологам с уверенностью говорить об их близком родстве и общности происхождения, скававшихся на многих сторонах жизни. Развитие производства и всей культуры древних славян представляет собой единую картину, несмотря на прослеживающиеся довольно сильные локальные различия.

Основным занятием древнеславянских племен было подсечное земледелие и скотоводство. В южных лесостепных областях земледелие велось по переложной системе. В поселениях того времени найдены семена пшеницы, ржи, ячменя, проса, льна, а среди орудий труда были обнаружены костяные мотыги, железные серпы, каменные зернотерки; плуги, судя по находкам в торфяниках между Эльбой и Одером, были еще деревянные. На многих поселениях в бассейне Десны обнаружен толстый слой золы с остатками соломы — использование соломы в качестве топлива возможно только при значительном зерновом хозяйстве. Эти земледельческие племена уже в начале I тысячелетия до н. э. пользовались двух- и четырехколесными повозками. Это были еще очень тяжелые возы, так как их массивные, сделанные из одного куска дерева колеса вращались вместе с осью. Возможно, что сведения Геродота о быстро бегавших в упряжке лошадях сигиннов относятся именно к этим племенам.

Остатки костей животных позволяют заключить, что в хозяйстве древнеславянских племен использовались лошади, коровы, овцы, козы, свиньи и собаки. Охота и рыболовство играли повсюду второстепенную роль, хотя в некоторых местах, например, в бассейне Десны, рыболовство было очень развито. Несомненно, жизнь в лесной полосе должна была способствовать развитию бортничества. Косвенным сви-

детельством этого может служить замечание Геродота, что в землях к северу от Дуная водится очень много пчел.

Изучение производства у древнеславянских племен показывает, что уже в начале I тысячелетия до н. э. на смену бронзовым орудиям всюду приходят железные. В IX—VIII вв. до н. э. железо появилось у Северо-Карпатских племен, а в конце VIII—VII вв. оно было известно уже всем изучаемым племенам. Быстрому распространению железных орудий способствовало наличие залежей железной руды во всей Европе. Следует отметить, что хронологические границы употребления бронзы и железа не могут считаться окончательно установленными. Процесс вытеснения бронзовых орудий железными был длительным. В начале железо употреблялось главным образом для изготовления ножей и топоров, но уже во 2-й половине I тысячелетия до н. э. оно полностью господствовало в производстве. Из железа выделявали самые разнообразные орудия: серпы, детали телег, мечи, бритвы и т. д. На поселениях и в могильниках этого времени железные предметы встречаются часто. Одновременно сохранились в употреблении бронзовые изделия — украшения и различные мелкие предметы.

Древнеславянские племена в рассматриваемое время не знали еще гончарного круга и познакомились с ним только в конце I тысячелетия до н. э. Поэтому сосуды, сделанные от руки, весьма разнятся по качеству. Посуда для хозяйства — большие горшки, сосуды для хранения зерна, большие миски и т. п. — обычно была довольно грубой; значительно тоньше — глиняная посуда, предназначенная для еды и питья. Следует отметить, что в некоторых областях встречается особенно изящная, искусно украшенная роспись (верховья Одера) или бугорками (Побужье) керамика.

Формы сосудов весьма разнообразны: наряду с простыми мисками и кувшинами, встречаются фигурные сосуды с изображением зверей и птиц. Население Нижней Вислы изготавливали своеобразные погребальные урны с изображением человеческой головы. Уши, глаза и рот обозначались при лепке корпуса урны, нос выделялся отдельно и прилеплялся к сосуду. Крышки таких сосудов делали в форме шапок или шляп с полями. В бассейне Десны и в верховьях Днепра керамика более однообразна по формам, но и ей присуща обильная орнаментация.

У древних славян, живших среди лесов, были высоко развиты деревообделочные ремесла. Как это видно из раскопок поселений, дерево играло огромную роль в быту. Деревянными были дома, мостовые улицы, укрепления, лодки. Известно, что и другие ремесла, например, ткачество, обработка кости и рога также были значительно развиты у древних обитателей славянских земель.

Большой интерес для общей картины развития производства и социальных отношений древнеславянских племен представляет изучение их поселений.

Уже в раннее время появились укрепления. В северных областях Чехии укрепленные городища известны в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Здесь родовые поселки были защищены валами, рвами и деревянными палисадами.

Исследования, проведенные в районе бассейна реки Десны, показали, что уже с VII—VI вв. до н. э. поселения устраивались на трудно доступных местах речных берегов и также укреплялись рвами и валами. Даже в настоящее время высота некоторых валов достигает пяти метров. Такое укрепленное поселение принадлежало обычно небольшой родовой общине. К сожалению, плохая сохранность деревянных жилищ, легко и бесследно погибавших от пожара, и малая еще изученность поселений в бассейне рек Десны и Верхнего Днепра не позволяют судить о характере жилых построек в этих районах. Зато на западе древнеславянских областей имеется прекрасно сохранившийся родовой поселок — это недавно раскопанное поселение на Бискупинском озере (к западу от среднего течения Вислы), возникшее еще в начале I тысячелетия до н. э. Поселок был огорожен стеной, выстроенной из срубов, стоявших на деревянном основании и заполненных плотно утрамбованной глиной и землей. Редкая сохранность остатков домов позволяет заключить, что поселок состоял из нескольких длинных домов, расположенных вдоль параллельных улиц. Дома здесь строили из крупных горизонтальных плах или бревен с затесанными концами, вставленными в продольные

пазы столбов. Крыша, как полагают археологи, была двускатной. Каждый дом был разделен на изолированные секции, площадью в 70—80 м². План почти всех секций, вскрытых при раскопках, был одинаков: отдельный вход, обязательно с южной стороны дома, вел в небольшие сени, за которыми располагалась большая комната с очагом. Очаги во всех комнатах Бискупинского поселка были круглыми, сложенными из глины или из камня с глиной. Единообразная планировка помещений показывает, что каждое из них было рассчитано на отдельную семью. Несомненно, это была уже большая патриархальная семья, включавшая несколько поколений. Отсутствие специальных складов или загонов для скота позволяет заключить, что семья владела только мелкими орудиями производства, основная же масса средств производства составляла общую родовую собственность.

Родовые поселки в бассейне Днепра имеют много общих черт с только что описанным. Большой интерес для изучения всей культуры древнеславянских племен имеет открытые на мысу «Благовещенская гора» (бассейн реки Десны) святилище. Оно представляло собой деревянное здание, подковообразное в плане, около 60 м в длину. Okolo дома также полукругом были врыты в землю столбы, у подножия которых найдены целые сосуды. Этот комплекс, по мнению археологов, представлял собою святилище с деревянными идолами, стоявшими под открытым небом на столбах, и с огромным домом для собраний. Таким образом, у населения бассейна реки Десны уже в VI—III вв. до н. э. возникают, очевидно, племенные центры. Недостаток источников не позволяет воссоздать в деталях картину изменения социального строя древнеславянских племен в течение I тысячелетия до н. э.

На основных территориях, от бассейна Десны и верховьев Днепра до междуречья Одера и Вислы, первобытно-общинный строй сохранялся в полной мере. Это объясняется тем, что процесс накопления богатств и возникновения частной собственности гораздо медленнее протекал у земледельческих племен, чем у скотоводческих. Правда, наблюдаемое обособление отдельных семей является предвестником дальнейшего разложения родовых отношений. Только там, где древние славяне были вовлечены в орбиту влияния более развитых в социальном отношении племен — кельтов и скифов, — только в этих окраинных областях к концу I тысячелетия до н. э. прослеживается значительное имущественное неравенство среди населения.

Политическая история древнеславянских племен в I тысячелетии до н. э. известна очень плохо. Судя по распространению археологических памятников (керамики и других изделий), в IX—VII вв. до н. э. происходило передвижение некоторых племен из областей Саны и Западного Буга и с чешско-моравской территории на восток, в район Среднего Поднепровья. Возможно, что рассказ Геродота о переселении племени невров, которых он помещает к западу от Днепра, в земли будинов на Левобережье Днепра является отражением местной традиции о переселениях начала I тысячелетия до н. э. Упоминание Геродота о змеях, будто бы вытеснивших невров с их земель, быть может, следует понимать как обозначение вытеснившего невров племени по его totemu — змее. В последующие столетия древнеславянские племена вступили в тесный контакт с соседями, главным образом со скифами, кельтами и германцами.

В северной Чехии древнеславянские племена испытывали значительное влияние кельтов, проникших сюда из Южной Чехии около V в. до н. э. Кельтские племена, в особенности бойи, оставили многочисленные поселения и городища на территории Чехии. Особенно интересно древнее городище возле современной деревни Стражонице. При раскопках этого огромного поселения, относящегося ко II—I вв. до н. э., были обнаружены следы металлургических и металлообрабатывающих ремесел: много незаконченных металлических изделий, шлаков, тигельков, литейных форм. Здесь уже возникало товарное производство и меновая торговля вытеснилась денежным обращением. На это указывают находки не только привозных, но и местных монет, подражавших римским образцам.

Иную картину мы наблюдаем в восточных областях. Появившиеся в степях Северного Причерноморья в VII в. до н. э. скифы оказали некоторое воздействие на

соседние области древних славян (Подолье, Каневщину) и предприняли ряд походов в западные области. Некоторые польские ученые, как например, Сулимирский, полагают, что походы скифов сильно ослабили население бассейна Вислы и Одера и привели к упадку племен лужицкой культуры уже в IV в. до н. э. Нам представляется, что эта точка зрения не может быть принята безоговорочно. Несомненно, набеги скифов в западные земли имели место, как свидетельствует знаменитое скифское погребение в Феттерсфельде. Однако решающего значения на развитие древних племен Повисленья эти эпизодические походы скифов не могли иметь.

В истории племен Верхнего Поднепровья не наблюдается таких резких перемен. Длившаяся в течение всей второй половины I тысячелетия до н. э. борьба со скифами и сменившими их сарматами не отразилась существенным образом на развитии основной массы этих племен. Здесь постепенно развивается процесс консолидации древнеславянских племен.

К концу I тысячелетия до н. э. в социально-экономическом развитии древнеславянских племен произошли значительные сдвиги. Однако проследить их удается только на более позднем (начало I тысячелетия н. э.) материале, рисующем жизнь населения между Одером и Вислой (так называемые шшеворские племена) и населения Среднего и Верхнего Поднепровья (так называемые Зарубинецко-Корчеватовские племена)¹.

Восточная Прибалтика в I тысячелетии до н. э. Непосредственными соседями древних славян на северо-западе были племена, населявшие Восточную Прибалтику. Почти все области Европы были прямо или косвенно с ней связаны, так как отсюда вывозился янтарь, издавна служивший излюбленным материалом для украшений. Тем не менее письменных источников по истории этих областей также почти нет. Геродот упоминает только, что в этой части Европы добывался янтарь. Первые подробные литературные свидетельства о Прибалтике относятся уже к концу I в. н. э. Тацит рассказывает о том, что племя эстии добывает на своих берегах янтарь и продаёт его необработанным и что эстии носят изображение дикого кабана — вероятно, таков был их тотем.

Развитие производства в Восточной Прибалтике, на основании археологического материала, может быть разбито на два периода: X—VI вв. до н. э., когда применялись поздне-бронзовые орудия, и V—I вв. до н. э., когда появившееся железо вытеснило каменные и бронзовые изделия. Отсутствие собственных месторождений меди в Прибалтике помешало жившим там племенам развить широкое производство бронзовых орудий, и привозимая извне бронза употреблялась главным образом для выделки парадного оружия или украшений. Поэтому здесь очень долго господствовали каменные орудия, и техника обработки камня продолжала совершенствоваться вплоть до конца I тысячелетия до н. э.

Ведущую роль в жизни племен Прибалтики в рассматриваемое время играли скотоводство и земледелие, важное место принадлежало также охоте и рыболовству. Следует отметить, что в некоторых районах особо благоприятные условия способствовали сохранению рыболовства и в качестве основного занятия почти до серединь I тысячелетия до н. э.

Развитие скотоводства и такой отрасли производства, как металлургия, привело к значительным изменениям в области общественных отношений племен Прибалтики.

Возникновение имущественного неравенства внутри родовых общин и выделение родовой знати засвидетельствовано только археологическими источниками. Можно с уверенностью утверждать, что роскошными бронзовыми топорами и украшениями из бронзы владели не все члены родовой общины. Правда, внутриродовые связи были еще очень крепки, как показывает прочно сохранившийся обычай захоронений в коллективных родовых некрополях: в насыпанных из песка или сложенных из камня курганах хоронили десятки, а иногда и сотни покойников в каменных ящиках или в глиняных урнах (например, курган Резнес, находящийся в 18 км от Риги).

¹ Этот вопрос будет освещен в других главах Всемирной истории.— Ред.

С середины I тысячелетия до н. э. большая часть поселений, существовавших на территории современных Литвы, Латвии и Эстонии, представляла собою городища, укрепленные валами. Это позволяет говорить о войнах, происходивших между родовыми поселками.

В I тысячелетии до н. э. в Восточной Прибалтике протекали сложные процессы формирования этнических групп. Переселение сюда из бассейна Вислы и Одера в начале II тысячелетия до н. э. летто-литовских (балто-славянских) племен, отделившихся от древних славян, привело к смешению пришельцев с давними обитателями страны — финно-угорскими племенами. Эти сложные процессы, длившиеся в течение многих столетий, нашли свое отражение как в археологическом материале, так и в истории языков населения Прибалтики. Исследованиями последних лет (труды Х. Мюора и др.) установлено, что в области к северу от Западной Двины балтийские этнические элементы были ассимилированы финскими племенами. Так сложилось население современной Эстонии. Южнее Западной Двины местное финское население растворилось среди балтийских племен, и в результате скрещивания победили балтийские языки.

Главные направления внешних связей населения Прибалтики в I тысячелетии до н. э. определяются археологическими находками. Связи со Скандинавией засвидетельствованы привезенными оттуда бронзовыми наконечниками копий, булавками, бритвами. Бронзовый инвентарь из районов к югу от Западной Двины говорит о тесных связях с областями древнеславянских культур. Отдельные предметы указывают на связи с племенами Приднепровья и Волжско-Камского бассейна. Все эти находки отражают постепенное развитие обмена еще в условиях первобытно-общинного строя на территории Северо-Восточной Европы.

Население Волго-Окского и Камского бассейнов в I тысячелетии до н. э. История племен, населявших земли по Волге и Каме, в I тысячелетии до н. э., отличается значительным своеобразием, как показывают данные археологии и скудные письменные источники. По сведениям Геродота, в этой части лесной полосы жили будины, тиссагеты и иирки. Древний историк, отмечая отличие этих племен от скифов и сарматов, указывает, что главным занятием их была охота, доставлявшая пищу и меха для одежды. Особо отмечает Геродот конную охоту иирков с помощью собак.

Археологические исследования показывают, что в жизни племен, населявших рассматриваемую территорию в I тысячелетии до н. э., охота действительно занимала большое место. Однако нельзя полагать, что население Волго-Окского и Камского бассейнов ограничивалось только теми племенами, о которых упоминает Геродот. Приводимые им названия могут быть отнесены только к племенам, непосредственно соседившим со скифами и сарматами.

В I тысячелетии до н. э. население на указанной территории, принадлежавшее к финно-угорской языковой общности, распределялось неодинаково: сравнительно густо в Волго-Окском бассейне и гораздо слабее в Прикамье. Основным занятием племен на этой обширной территории было скотоводство; охота и подсечное земледелие играли второстепенную роль. Характерной особенностью производства здесь было то, что, наряду с железными орудиями, вошедшими в употребление приблизительно с VII в. до н. э., еще очень долго применялись орудия из кости. Эти черты типичны для так называемой Дьяковской археологической культуры, распространенной в междуречье Оки и Волги, для Городецкой культуры (к югу от Оки) и для Ананьевской культуры (Прикамье).

Многие интересные черты производства этих племен были исследованы археологами. Особенно показателен древнейший способ выплавки железа, засвидетельствованный в Волго-Окском бассейне: железную руду плавили в глиняных сосудах, стоявших посреди открытых костров. Этот процесс, подмеченный на поселении IX—VIII вв. до н. э. на берегу Галичского озера в Верхнем Поволжье, характерен для начальной ступени в развитии металлургии; в дальнейшем появились печи. Из других ремесел следует отметить высокое развитие ткачества.

Общественные отношения у этих племен были довольно сложными. Развитие

скотоводства и начинающееся выделение ремесла вели к повышению производительности труда. Это способствовало появлению частной собственности, что знаменовало начало разложения первобытно-общинных отношений. Накопление богатств внутри родовых общин Волго-Окского бассейна происходило довольно медленно. в силу этого еще в первой половине I тысячелетия до н. э. родовые поселки были укреплены сравнительно слабо. Лишь в последующие века городища Дьяковской культуры были обнесены мощными валами и рвами, свидетельствующими о частых войнах. Картина социального строя обитателей Прикамья весьма своеобразна. Погребения ясно указывают на имущественное расслоение среди членов родовых общин. Некоторые захоронения в конце рассматриваемого периода позволяют археологам высказывать предположение о появлении какой-то неполноправной категории населения,— возможно, рабов из числа военнопленных. Обособление родовой знати особенно усиливается ко II—I вв. до н. э. Именно к этому времени относится один из ярких памятников Ананьевской культуры — надгробие из камня с рельефным изображением воина, вооруженного кинжалом и боевым молотом и украшенного гривной. Погребенный под этой плитой житель Прикамья получил все эти предметы и в загробное пользование. Это позволило археологам, открывшим погребение, с уверенностью говорить о появлении родовых вождей в Прикамье уже в IV—II вв. до н. э. Следует, однако, отметить, что в это время родовая знать была сравнительно немногочисленна, так как низкая производительность труда ограничивала количество тех членов общества, которые могли жить чужим трудом.

Население Волго-Окского и Камского бассейнов в I тысячелетии до н. э. было связано не только с соседними племенами, но и с такими отдаленными странами, как северо-восточное побережье Балтийского моря, Западная Сибирь, Кавказ, Скифия. От скифов и сарматов сюда попадали многие предметы, формы которых нередко заимствовались; об этом говорят местные разновидности железных ножей, костяных наконечников стрел, глиняных пряслиц и ряда сосудов. Связи со скифским и сарматским миром прослеживаются уже с VII—VI вв. до н. э. и к концу I тысячелетия до н. э. делаются постоянными.

Население Северо-Восточной Европы в I тысячелетии до н. э. О северных странах Геродот не сообщает почти ничего, полагая, что суровый климат делает необитаемыми эти области. Однако он довольно точно описывает полярную зиму. На то, что в III в. до н. э. древние греки, повидимому, знали быт народов Севера, указывает найденное в Мемфисе (Египет) изображение, представляющее женщину в длинной одежде, занятую доением оленехи, рядом с которой изображены северный олень и две собаки. Древний художник выразительно передал типичные занятия обитателей Севера — оленеводство и собаководство. Других известий о племенах далекого Севера в I тысячелетии до н. э. нет, и единственным источником является археологический материал, который стал накапливаться только в последние двадцать тридцать лет. Однако и сейчас сведения о племенах Севера весьма скучны и освещают историю только отдельных областей.

К началу I тысячелетия до н. э. северо-восточная окраина Европы была заселена, как полагают современные археологи, в основном пришельцами из Волго-Окского и Камского бассейнов. Археологические находки показывают, что связь областей Севера с этими территориями не прекращалась и в I тысячелетии до н. э. Длительное сохранение каменной техники — характерная черта в истории племен Севера. Археологи предполагают, что период неолита заканчивается здесь только около середины I тысячелетия до н. э. Нужно отметить, что употребление бронзы было давно известно обитателям пространств от Карелии и Кольского полуострова до Полярного Урала; они имели собственное медно-литейное производство. Однако появление металла не оказало значительного влияния на общее развитие производительных сил. Господство каменных орудий представляет собой черту, присущую всему населению Северной Европы в течение долгого времени. В I тысячелетии н. э. в эпосе Скандинавских народов — «Эдде» — герой вооружены чудодейственными каменными топорами-молотами.

На основании археологических материалов можно заключить, что в первой половине I тысячелетия до н. э. хозяйство племен Севера носило в основном охотничьи-рыболовческий характер. Вместе с тем возникало и скотоводство — оленеводство, получившее развитие только в конце рассматриваемого периода.

Отметим, что эти выводы носят еще предварительный характер и что дальнейшее изучение археологических памятников может значительно изменить наши представления о хозяйстве населения Северо-Восточной Европы. Среди советских ученых господствует мнение, что все рассматриваемые племена принадлежали к финно-угорской языковой общности.

*

Изучение истории многочисленных племен, населявших территорию нашей страны в I тысячелетии до н. э., показывает, сколь многообразны и отличны были производство и быт этих племен.

Вместе с северными фракийцами, скифами и сарматами они составляли огромный массив населения Средней и Северо-Восточной Европы. Это был особый мир, развивавшийся своим собственным путем одновременно с античными рабовладельческими обществами. В противоположность странам Средиземноморья и Древнего Востока эти племена жили первобытно-общинным строем, и только во второй половине I тысячелетия до н. э. у некоторых из них наблюдается начало разложения родовых отношений.

Советскими исследователями выявляется наличие в этот период отдельных племенных групп, явившихся теми этническими ядрами, из которых в дальнейшем возникли народы нашей и соседних европейских стран.

Часть IV, гл. V, § 1

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭЛЛИНИЗМА (СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В ПЕРИОД ЭЛЛИНИЗМА)

(Автор К. К. Зельин)

Понятие «эллинизм». Период в истории античного мира со времени завоевания Александра Македонского до конца I в. до н. э. (30 г. до н. э.) называется периодом эллинизма. Наступление этого периода было подготовлено развитием обществ Восточного Средиземноморья, Понта и Передней Азии в предшествующие столетия, их многообразным взаимодействием в экономическом, политическом и культурном отношении. Македонское завоевание привело к тому, что рухнули вековые политические перегородки между Грецией и Востоком и возникли новые государства, в которых македоняне и греки составили значительную часть господствующего класса. Эти политические события, вызванные длительным процессом экономического развития, в свою очередь, оказали на экономику громадное влияние.

Гранью, отделяющей историю эллинистического периода от римского времени, является римское завоевание, хотя и совершившееся постепенно, растянувшееся более чем на 150 лет, но получившее по отношению к эллинистическому Востоку завершение в конце I в. до н. э., когда в состав римского государства вошло последнее крупное эллинистическое царство — Египет. Это завоевание со всеми сопутствовавшими ему явлениями было поворотным моментом в истории древнего мира: экономика Рима, крупнейшей державы с наиболее развитым рабовладельческим строем, делается определяющей силой и для развития стран, вошедших в состав римской империи.